

САМООГОВОР: ПОНЯТИЕ, КВАЛИФИКАЦИЯ, ПОСЛЕДСТВИЯ

SELF-INCRIMINATION: CONCEPT, QUALIFICATION, CONSEQUENCES

R. Kashapov

Summary. The article analyzes the legal nature of one of the debatable issues of theory and law enforcement — self-incrimination and its concept, qualification, legal consequences. The relevance of this study is due to the lack of criminal liability for self-incrimination, as well as the discussion existing in the theory of criminal law regarding the qualification of the actions of a person who committed self-incrimination. The subject of the study is a range of theoretical problems related to the study of self-incrimination as a negative behavior of a person who opposes the disclosure and investigation of crimes and thereby impedes the administration of justice, the establishment of the truth during the investigation and further consideration of the criminal case in court. The purpose of the work is to obtain new knowledge that contributes to the further development of the doctrine of the legal nature of self-incrimination, its concept, qualification, and consequences. The study is based on general scientific (system-structural, formal-logical) and special-legal methods of cognition. The content of the work is the results of a study of the legal nature of self-incrimination in the aspect of counteracting the disclosure and investigation of a crime. Scientific novelty is the concept of self-incrimination formulated by the author.

Keywords: self-incrimination, knowingly false denunciation, the accused, concealment of crimes, slander, justice, qualification of crimes, giving knowingly false testimony.

Кашапов Радик Минивалеевич

Кандидат юридических наук, доцент,
Санкт-Петербургская академия Следственного
комитета Российской Федерации
kashapovr@yandex.ru

Аннотация. В статье анализируется правовая природа одного из дискуссионных вопросов теории и правоприменительной деятельности — самооговора и его понятие, квалификация, правовые последствия. Актуальность данного исследования обусловлена отсутствием уголовной ответственности за самооговор, а также существующей в теории уголовного права дискуссией относительно квалификации действий лица, допустившего самооговор. Предмет исследования составляет круг теоретических проблем, связанных с изучением самооговора, как негативного поведения лица, противодействующего раскрытию и расследованию преступлений и тем самым препятствующим осуществлению правосудия, установлению истины при расследовании и в дальнейшем рассмотрении уголовного дела в суде. Цель работы заключается в получении нового знания, способствующего дальнейшему развитию учения о правовой природе самооговора, его понятия, квалификации, последствий. Исследование базируется на общенаучных (системно-структурный, формально-логический) и специально-юридических методах познания. Содержательную часть работы составляют результаты исследования правовой природы самооговора в аспекте противодействия раскрытию и расследованию преступления. Научную новизну составляет сформулированное автором понятие самооговора.

Ключевые слова: самооговор, заведомо ложный донос, обвиняемый, укрывательство преступлений, оговор, правосудие, квалификация преступлений, дача заведомо ложных показаний.

Вопросы, касающиеся различных аспектов осуществления правосудия, всегда являются предметом научных дискуссий ученых и правоприменителей.

Одним из причин для таких дискуссий, связанных с квалификацией, является самооговор.

Самооговор — это заведомо ложные показания обвиняемого (подозреваемого), в которых он признает себя виновным в совершении преступления, хотя в действительности его не совершал [1, с. 11].

Высшие судебные инстанции требуют от нижестоящих судов тщательно проверять показания обвиняемых, подсудимых, свидетелей с целью выявления соответственно самооговора или оговора.

Так, в п. 4 постановления Пленума Верховного Суда СССР от 23 декабря 1988 г. «О некоторых вопросах применения в судебной практике Указа Президиума Верховного Совета СССР от 18 мая 1981 г. «О возмещении ущер-

ба, причиненного гражданину незаконными действиями государственных и общественных организаций, а также должностных лиц при исполнении ими служебных обязанностей» впервые сформулировано (хотя в научной литературе раньше было дано определение самооговора) понятие и раскрыта сущность самооговора, под которым следует понимать «заведомо ложные показания подозреваемого, обвиняемого, подсудимого, данные с целью убедить органы предварительного расследования и суд в том, что именно им совершено преступление, которое он в действительности не совершал» [2, с. 513].

Анализ современной следственно-судебной практики показывает, что самооговор возможен по следующим мотивам: 1) желание уберечь от уголовной ответственности родных и близких, т.е. лиц, чьи интересы для обвиняемого оказываются выше, чем свои собственные; 2) стремление быть осужденным за преступление небольшой или средней тяжести с тем, чтобы избежать ответственности за действительно совершенное тяжкое преступление; 3) намерение выгородить соучастников,

приняв их вину на себя, полагая, что мера наказания за совершение преступления одним лицом меньше, чем за совершение преступления группой лиц либо с целью получения материального или иного вознаграждения от соучастников; 4) желание показать себя бывалым, «матерым» преступником, (чаще всего, это свойственно несовершеннолетним правонарушителям); 5) желание попасть в место заключения, чтобы избавиться от алкоголизма, наркомании; 6) желание порвать с преступной средой и таким путем «завязать» с прошлым; 7) желание скорее попасть в место заключения, чтобы получить место проживания и питания (характерно для лиц, занимающихся бродяжничеством и попрошайничеством); 8) страх перед строгим наказанием, которое может быть применено, если не последует признание и чистосердечное раскаяние; 9) ложное чувство товарищества; 10) желание скрыть обстоятельства своей частной жизни; 11) стремление сократить срок следствия и пребывания под стражей в расчете на то, что суд во всем разберется и оправдает невиновного; 12) желание заключить сделку с правосудием, чтобы получить меньшее наказание и т.д. [3, с. 45].

А.В. Савкин в своей статье подробно рассмотрел признаки, цели, причины самоговора, а также его доказывание, при этом не касаясь уголовно-правовой оценки лица, допустившего самоговор [4, с. 61–68].

Случаи, когда лица под физическим или психологическим воздействием сотрудников правоохранительных органов пишут явки с повинной и оговаривают себя в совершении тяжких и особо тяжких преступлений, на наш взгляд, можно и нужно называть вынужденным самоговором [5, с. 235].

Автор придерживается мнения большинства ученых в том, что самоговор означает ложное признание лица в якобы совершенном им преступлении [6, с. 19, с. 62–64].

Из этого определения видно, что субъект указанного негативного поведения, противодействующего раскрытию и расследованию преступления, может допустить ложное признание:

1) в отношении преступления, в действительности совершенного другим лицом или 2) в отношении вымышленного (мнимого) преступления.

Вместе с тем встречаются и такие случаи, когда субъект оговаривает себя по отягчающим ответственность обстоятельствам.

Для уяснения проблемы самоговора прежде всего необходимо определить, возможна ли вообще уголовная ответственность лица, оговаривающего себя? Если возможна, то следует ли рассматривать самоговор как

заведомо ложный донос или как заведомо ложное показание? Возможна ли квалификация этих действий как укрывательство?

Исходя из диспозиции ст. 316 УК РФ, самоговор — это заранее не обещанное укрывательство тяжких преступлений, совершенных в отношении несовершеннолетних, не достигших четырнадцатилетнего возраста (ч. 1); заранее не обещанное укрывательство только особо тяжких преступлений (ч. 2).

Субъектом самоговора могут быть любые лица, не зависимо от процессуального положения, достигшие возраста, с которого наступает уголовная ответственность, предусмотренная конкретной статьей [7, с. 153].

Криминалисты, признающие уголовно-наказуемый характер самоговора, расходятся в вопросе квалификации этого деяния. Например, С.В. Бородин, предлагает квалифицировать самоговор по статьям Особой части УК, предусматривающим ответственность за укрывательство [8, с. 22, с. 57, с. 400].

Аналогичное мнение высказали С.С. Кузьмина и Н.С. Косякова считающие, что самоговор должен быть квалифицирован как укрывательство преступления, если он осуществлен с целью дать возможность виновному лицу избежать уголовной ответственности [9, с. 62–64].

И.В. Смолькова приходит к выводу о том, что самоговор обвиняемого крайне нежелательное явление в процессе расследования и судебного рассмотрения уголовного дела, может привести к осуждению невиновного, тем не менее, уголовной ответственности он не влечет, за исключением случая, когда лицо, взяв на себя чужую вину, отбывает наказание за настоящего виновного [3, с. 49].

Примечательна в этой связи позиция М.Х. Хабибуллина. В своей монографии он приводит пример из судебной практики (Архив Верховного суда Марийской АССР за 1978 г., дело № 2-40), когда лицо совершило «интеллектуальное» укрывательство и впоследствии было осуждено по ч. 1 ст. 189 УК РСФСР (то есть ч. 2 ст. 316 УК РФ). Приговор не был отменен вышестоящей судебной инстанцией. Вместе с тем, М.Х. Хабибуллин считает данное судебное решение ошибочным и полагает, что если ложное самообвинение в совершении преступления совершается путем явки «с повинной» или подачи заявления в судебно-следственные органы, то такое деяние по существу является ложным доносом и подлежит квалификации по ст. 180 УК (ст. 306 УК РФ). Если же лицо делает самоговор в процессе его допроса на предварительном или судебном следствии, содеянное образует заведомо ложное показание и подлежит квалификации

по ст. 181 УК (ст. 307 УК РФ). Таким образом, сокрытие преступника или следов преступления, совершенное путем заведомо ложного доноса или дачи заведомо ложных показаний, в том числе и путем самооговора, не является укрывательством, а образует преступление, предусмотренное ст. ст. 180 или 181 УК (ст. ст. 306 и 307 УК РФ) [10, с. 42–43].

По мнению В.В. Намнясевой, если лицо ложно заявляет о якобы совершенном им преступлении (имеющим место в объективной действительности) до возбуждения уголовного дела, то содеянное должно оцениваться как заведомо ложный донос и квалифицироваться по ст. 306 УК РФ. Полагаем, что ответственность по ст. 306 УК РФ должна наступать за самооговор и в тех случаях, когда преступление, в котором признается лицо, никогда не совершалось. По степени общественной опасности содеянное ничем не отличается от доноса, не связанного с обвинением конкретного лица в совершении преступления [11, с. 159].

С высказанной точкой зрения сложно согласиться, так как термин «донос», обозначает тайное обвинительное сообщение представителю власти, начальнику о чьей-нибудь деятельности, поступках [12, с. 175].

Согласно п. 19 постановления Пленума Верховного Суда РФ «Объективная сторона заведомо ложного доноса (ст. 306 УК РФ) состоит в умышленном сообщении в органы дознания, предварительного следствия или прокуратуры заведомо недостоверной информации о событии подготавливаемого, совершаемого либо совершенного уголовно наказуемого деяния независимо от того, содержит ли такое сообщение указание на причастность к данному деянию конкретных лиц. Заведомо ложным доносом признается и подача мировому судье заявления о возбуждении уголовного дела о преступлении, указанном в части 2 статьи 20 УПК РФ, если такое заявление содержит заведомо недостоверную информацию о совершении уголовно наказуемого деяния конкретным лицом [13].

Из указанного разъяснения Пленума Верховного Суда РФ следует, заведомо ложный донос в отношении своих действий не допускается.

В.В. Намнясева полагает, что во избежание разночтений в применении уголовного законодательства необходимо включить в ст. 306 УК РФ самооговор в качестве одной из разновидностей ложного доноса, характеризующейся степенью общественной опасности, сопоставимой с опасностью ложного сообщения о самом факте совершения преступления. При этом разграничение между заведомо ложным доносом и лжесвидетельством должно осуществляться по уже существующим правилам [11, с. 160].

Е.В. Пономаренко предлагает установить уголовную ответственность в случае, если лицо оговаривает себя до начала осуществления каких-либо следственных действий по делу (т.е. имеет место ложная явка с повинной) с целью укрывать истинного преступника, его действия, необходимо квалифицировать по ст. 316 УК РФ как заранее не обещанное укрывательство преступления [14, с. 211].

Другие ученые рассматривают самооговор как разновидность лжесвидетельства. Кроме того, даже считают, что ложное самообвиняющее заявление, ложная явка с повинной должны квалифицироваться по статье о ложном доносе.

В литературе высказаны различные мнения о характере действий лица, виновного в укрывательстве. Одни полагают, что укрывательство может выражаться только в физических действиях по сокрытию преступника, орудий, средств и предметов преступления [6, с. 19; 14, с. 76].

По мнению других, к этому составу относится в равной мере и интеллектуальное содействие преступнику, в частности самооговор с целью дать возможность виновному лицу уйти от уголовной ответственности [16, с. 384, с. 657; 9, с. 63].

В.А. Блинников, исследуя проблемы лжесвидетельства, пишет, что самооговор не может рассматриваться ни как заведомо ложное показание (В.С. Устинов), ни как укрывательство преступлений (С.С. Кузьмина, Б.Т. Разгильдиев). В подтверждение своей позиции он привел следующие аргументы. Самооговор — это самостоятельное деяние, которое законодатель не счел необходимым криминализовать, исходя из высших интересов правосудия. Этот вывод подтверждает и то обстоятельство, что в дооктябрьском уголовном законодательстве имелась самостоятельная норма, предусматривающая ответственность за самооговор. Ненаказуемость самооговора в современный период обусловлена конституционным положением о свидетельском иммунитете. Именно поэтому российский законодатель также отказался от признания самооговора в качестве обстоятельства, отягчающего наказание [17, с. 11].

С.В. Смолин предлагает предусмотреть ответственность за самооговор о совершении тяжкого и особо тяжкого преступления в соответствующей редакции ст. 306-1 УК РФ [18, с. 165].

Заключение

Общественная опасность действий лица, которое, пользуясь стечением случайных обстоятельств или иными условиями, выдает себя за истинного преступника, достаточно велика. Органы правосудия, а также органы

юстиции (ФСИН России), ведающие отбыванием наказания, вводятся в заблуждение. Цели правосудия при этом не достигаются, так как настоящий преступник по существу уходит от ответственности. В этой ситуации подобные действия логичнее квалифицировать как укрывательство преступлений. Однако ответственности в таком случае подлежит лишь лицо, которое не принимало никакого участия в совершении самого преступления, поскольку укрывательство своих преступных действий ненаказуемо. По нашему мнению, для ответственности лица, явившегося отбывать наказание за истинного виновника, не имеет значения, оказывает ли оно содействие преступнику по сговору с последним или действует по собственному побуждению.

Таким образом, за самооговор, который не касается особо тяжкого преступления, в действующем законодательстве специальной уголовной ответственности не предусмотрено, за исключением самооговора за совершение тяжкого преступления в отношении несовершеннолетних, не достигших четырнадцатилетнего возраста (ч. 1 ст. 316 УК РФ).

В вопросах квалификации самооговора, автор придерживается позиции тех ученых, которые считают, что при определенных условиях самооговор можно квалифицировать как укрывательство по ст. 316 УК РФ.

По ст. ст. 306 и 307 УК РФ уголовная ответственность за самооговор исключается.

Сформулированное И. Петрухиным определение самооговора существует более пятидесяти лет. Указанное определение используют в своих научных статьях, работах практически все ученые, кто затрагивает вопросы квалификации самооговора.

Вместе с тем, учитывая процессуальные особенности допрашиваемых лиц, например, когда лицо заявляет о якобы совершенном тяжком преступлении в отношении несовершеннолетних, не достигших четырнадцатилетнего возраста, особо тяжком преступлении, в любом случае проводится предварительная проверка правоохранительными органами до возбуждения уголовного дела с целью установления признаков преступления. И в таком случае сложно утверждать, что самооговор — это заведомо ложные показания обвиняемого (подозреваемого).

В связи с изложенным, автор предлагает конкретизировать определение самооговора.

Самооговор — это негативное посткриминальное поведение, заключающееся в даче заведомо ложных показаний лицом, с признанием в совершении им мнимого преступления.

ЛИТЕРАТУРА

- Петрухин И. Самооговор // Советская юстиция. 1970. № 13. С. 11–13.
- Сборник действующих постановлений Пленумов Верховных Судов СССР, РСФСР и Российской Федерации по уголовным делам с комментариями и пояснениями / Отв. ред. В. И. Радченко. М., 1999. С. 513.
- Смолькова И.В. Самооговор как разновидность показаний обвиняемого // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2016. Выпуск 3 (11). С. 45–50.
- Савкин А.В. Причины самооговора и его доказывание // Проблемы предварительного следствия и дознания: Сборник научных трудов. — М.: ВНИИ МВД России, 1996. С. 61–68.
- Кашапов Р.М. Самооговор: обзор судебной практики // Тенденции развития уголовного и уголовно-процессуального законодательства: материалы Международной научной конференции, посвященной 80-летию заслуженного юриста РФ, доктора юридических наук, профессора Махова Вадима Николаевича. Москва, 20 ноября 2015 г. / отв. ред. Л.А. Букалерева. — Москва: РУДН, 2016. С. 232–238.
- Фельдблюм В. Уголовно-правовые последствия самооговора // Советская юстиция. 1973. № 13. С. 19; Кузьмина С.С. Самооговор: правовые и процессуальные аспекты // Правоведение. 1989. № 6. С. 62–64.
- Кашапов Р.М. Уголовно-правовые средства, обеспечивающие раскрытие и расследование преступлений: дис. . . канд. юрид. наук. Хабаровск, 2000. С. 153.
- Бородин С.В. Квалификация убийства по действующему законодательству. М., 1966; Комментарий к Уголовному кодексу РСФСР 1960 г. Л., 1962. С. 57; Комментарий к Уголовному кодексу РСФСР. М., 1971. С. 400.
- Кузьмина С.С. Самооговор: правовые и процессуальные аспекты // Правоведение. 1989. № 6. С. 62–64; Косякова Н.С. Лжесвидетельство // Государство и право. 2001. № 4. С. 66–74.
- Хабибуллин М.Х. Ответственность за укрывательство преступлений и недоносительство по советскому уголовному праву. Казань, 1984.
- Намясева В.В. К вопросу о квалификации самооговора // Теория и практика общественного развития. 2014. № 11. С. 158–160.
- Ожегов С.И. и Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. — 4-е изд., дополненное. М.: Азбуковник, 1999.
- Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2022 г. № 20 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях против правосудия». URL: <https://ukrfkod.ru/> (дата обращения 05.08.2023).
- Пономаренко Е.В. К вопросу о квалификации самооговора по российскому уголовному законодательству // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2015. № 4 (105). С. 209–212.

15. Чучаев А.И. Преступления против правосудия. Научно-практический комментарий. Ульяновск, 1997.
16. Курс советского уголовного права / Отв. ред. Н.А. Беляев. Т. 4. Л., 1978; Уголовное право. Особенная часть / Под ред. И.Я. Козаченко, З.Н. Незнамовой, Г.П. Новоселова. М., 1997.
17. Блинные В.А. Уголовно-правовые и криминологические аспекты лжесвидетельства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород. 1998.
18. Смолин С.В. Уголовная ответственность за заведомо ложный донос: монография / под ред. докт. юрид. наук, проф., заслуженного деятеля науки РФ В.Д. Ларичева. — М.: Изд-во «Юрлитинформ», 2012.

© Кашапов Радик Минивалеевич (kashapovr@yandex.ru)

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»